Были люди добрые, стало население?

— Курьер. — 1994. — 27 мая. — с. 12

Наших доблестных планов прошло громадье,
Отстреляли людей, отшумело гадье.
И стоит одуревший от счастья народ
И великих решений от карликов ждет.
Ох, не вышло б промашки на первых порах:
Лилипутская жизнь — великанский размах.
Эта сказка уже не однажды была,
Открывали портвейн — вылез джинн из горла...”

Это строки из “Великанского вальса” — одной из последних песен Евгения Бачурина. Как бард он стал известен в конце шестидесятых, а теперь празднует собственное шестидесятилетие. 27 мая в Центральном Доме художника состоится его юбилейный вечер.

— Евгений Владимирович, ощущаете бремя лет?

— Иногда бывает не по себе, но от возраста никуда не деться. Да и некогда ощущать, загружен сверх головы. Накануне вечера в ЦДХ открылась выставка моей живописи — самоотчет за последний десяток лет. Решил напомнить, что я еще и художник, когда-то даже учился в Ленинградской академии. Но не прижился. Сначала пытались выгнать за формализм, спасла записка известного нашего мэтра Бориса Иогансона на имя декана: “Оставить на курсе на второй год, если не будет косить глазом на Ван-Гога”. А с третьего курса все же вышибли за дисциплинарный проступок.

Меня тогда выбрали в комитет ВЛКСМ и дали почетное поручение: сколотить команду студентов и оформить к Всемирному фестивалю молодежи и студентов ДК имени Горького. Я постарался, накупил обыкновенных обоев, еды, дешевого портвейна — и заперся с друзьями в ДК на двое суток. Шел пятьдесят седьмой год, мы были замучены академизмом и решили отвести душу. Каждый писал что хотел, вкладывая в работу сердце. А дня через три меня вызвали в деканат. Оказалось, принимать оформление прибыл деятель из Смольного и тут же дал приказ Дворец опечатать, а наши панно доставить в академию как доказательство преступных намерений авторов. Мне как главарю “банды” припомнили еще и раннюю студенческую работу, изображавшую венгерские события. Словом, вылетел с треском. Вернулся в Москву, в Полиграфический институт, где учился еще до академии. Сотрудничал как иллюстратор с газетами, журналами, книжными издательствами, потом увлекся литографией, а в последние годы — живописью.

— А бардом как стали?

— Почти случайно. В юности писал стихи, а с шестьдесят седьмого года — песни. Но сам себя называю человеком с обочины: всю жизнь просидел меж двух стульев. Художники про меня говорят: “тот, который поет”, барды — “рисующий певец”. Не жалуюсь, сам себе выбрал эту роль. Все мчусь куда-то с гитарой — и вроде всем нужен: аплодируют, любят, особенно женщины, где-то стакан дают... Но в привычные рамки я никогда не вписывался, не призывал браться за руки, мчаться в лес разжигать костерок, пел для узкого круга — в мастерских, институтах. Бывали и скандалы. В семьдесят четвертом ребята из Института химического машиностроения организовали мой концерт — и заработали “строгачей”. Начальство придралось к песне, где были такие строчки: “Я спрошу у Господа слова покаянного, отчего мы, Господи, стали окаянными? От житья кабального нету часу лишнего, для расчета дальнего не жалеем ближнего. По какому поводу, по чьему велению были люди добрые, стало население?..”

Но был и триумф в Союзе композиторов — с легкой руки одного из музыкальных старейшин, Анатолия Александрова. Ему дочь принесла мою кассету, он заинтересовался, пригласил в гости, сам сел за рояль: “Молодой человек — а мне тогда уже сорок было — у вас есть песни на уровне Франца Шуберта, вот я вам сыграю...” Следом меня пригласили на бюро Союза, наговорили много хороших слов, даже поступило предложение принять меня в композиторские ряды. Правда, так и не приняли.

■ *“Афишу” собрала*
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

— Напомню слова одной вашей песни: “Нет, не согласен с миром я, где сердце стонет век от века, где палец давит муравья, а государство — человека”. Вы и в жизни так бескомпромиссны?

— Я всех авторов делю на три категории: сиюминутники, эпохальники и вечнисты. Конечно, хочется и в творчестве, и в жизни быть поближе к последним. Но выпустить удалось только пять дисков, книжка вон никак не выйдет. Из-за своего колючего характера попортил со многими отношения, никогда не умел и не хотел кланяться, просить. Утешаю себя словами, которые мама любила повторять: “Ты у меня поздний, не кипятись”. К тому же я великий грешник — и слабость проявлял, и ленив был, трусоват, женщин любил, пять раз был женат. Но себе никогда не изменял, до гробовой доски останусь верным собственным убеждениям. И в песнях звал навести порядок прежде всего в собственной душе.

— Что будет на юбилейном вечере?

— Я года три не выступал в Москве, все больше за рубежом, даже удалось пять месяцев пожить в Америке, в штате Коннектикут, у Максима Шостаковича, моего давнего поклонника. Так что воспользуюсь случаем — буду петь сколько сил хватит, разговаривать с залом. А когда начну хрипеть или закашляюсь, надеюсь, выручат мои любимые женщины: на юбилей приглашены Таня Мозалевская, Алена Резник и Женя Симонова.